

© 1991 г.

В. С. Д Я К И Н

ДЕНЬГИ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

(Выбор пути экономического развития
России. 1892—1914 гг.).

Проблемы экономической политики России в конце XIX — начале XX в. неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. При этом в основном в их поле зрения попадала политика С. Ю. Витте, направленная на ускорение промышленного развития страны, и влияние этой политики на капиталистическую эволюцию российской экономики. Естественно поэтому; что в полемике вокруг виттевского курса прежде всего выделялось то, что действительно составляло существо спора,— сопротивление поместного дворянства капиталистической эволюции. Именно эту сторону проблемы подчеркнул И. Ф. Гиндин, опубликовавший и прокомментировавший ряд программных документов ; Витте¹. Подробному анализу полемики Витте и его оппонентов из дворянско-поместного лагеря посвящена работа Ю. Б. Соловьева². В то же время взгляды Витте на перспективы развития сельского хозяйства как такового И. Ф. Гиндин рассмотрел лишь попутно, отведя им даже в своей, пожалуй, наиболее развернутой их характеристике неполных две страницы³, а Ю. Б. Соловьев не затрагивал их вообще. Большая литература, посвященная истории торгово-промышленной политики царизма и формированию финансового капитала в России, еще сильнее подчеркивает отсутствие исследований политики в области сельского хозяйства.

В свою очередь, историки-аграрники, занимаются ли они изучением динамики сельскохозяйственного производства или глубины его капиталистической эволюции, основное внимание уделяют социальной политике правящих кругов, но не мерам по привлечению капитала в сельское хозяйство и поднятию его агротехнического уровня. Исключение составляет монография М. С. Симоновой, в которой наряду с исследованием борьбы двух линий в области крестьянского законодательства определенное место отведено и обсуждению в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности экономических вопросов сельского хозяйства. Правда, М. С. Симонова при этом считает такие вопросы «второстепенными с точки зрения коренных проблем аграрной политики», а место, занятое ими в работе Совещания, «непропорционально большим»⁴. Преимущественное внимание к социально-политическим, а не финансово-экономическим проблемам характерно и для литературы по столыпинской реформе. Практически никем из исследователей не был поставлен вопрос: каких затрат требовало осуществление этой реформы и было ли царское правительство в состоянии изыскать эти средства?

Отмечая явную односторонность изучения «проблем развития российского аграрного капитализма», А. П. Корелин констатировал недостаточную изученность факторов, связывающих все отрасли экономики в «целостную народнохозяйственную систему»⁵. В качестве одного из важнейших элементов такой системы он справедливо назвал кредит, избрав его объектом изучения. Большую часть своего основательного исследования А. П. Корелин посвятил

Дякин Валентин Семенович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

анализу функционирования учреждений сельскохозяйственного кредита, особенно мелкого, и потому, что он получил наибольшее распространение, а также потому, что степень его развития позволяет судить о глубине капиталистических отношений в деревне. Кратко коснулся исследователь и истории создания учреждений сельскохозяйственного кредита, не затронув, однако, проекты, не получившие воплощения, т. е. по сути дела оставив вне поля зрения борьбу в бюрократических кругах в третьеиюньский период.

Именно здесь проходит линия размежевания между кругом интересов А. П. Корелина и автора данной статьи. Если А. П. Корелин обращается к истории сельскохозяйственного кредита все же в первую очередь ради уточнения и углубления наших представлений о степени развития аграрного капитализма в России, то меня интересует прежде всего «целостная народнохозяйственная система» российской экономики и кредит как средство перераспределения инвестиций между отдельными ее отраслями, а также разногласия в правящих кругах по вопросу об общем направлении экономического развития страны. Поскольку проблемы промышленного развития уже подвергались изучению, я хотел бы остановиться на вопросах сельскохозяйственной политики,

сознавая, разумеется, что полная картина народнохозяйственного курса может быть получена при учете как той, так и другой стороны экономической политики⁶.

В начале 1890-х гг. Россия встала перед задачей ускоренного развития и промышленности, и сельского хозяйства. Создание крупной современной промышленности диктовалось не только интересами России как великой державы, но и необходимостью избежать, как писал Витте, «унизительного положения экономической данницы» передовых государств Западной Европы⁷. Одновременно голод 1891 г. подчеркнул отсталость сельского хозяйства. Для поднятия его уровня требовались меры как социально-политические (изменение аграрных отношений и правового положения крестьян), так и агротехнические, предполагавшие значительные капиталовложения. В действительности, однако, промышленное развитие в России, как и в других странах на соответствующем этапе, происходило за счет средств, изымаемых из сельского хозяйства с помощью таможенного протекционизма и налогового обложения, а мировой аграрный кризис 1870—1890-х гг. резко уменьшил доходность экстенсивного российского сельскохозяйственного производства.

Ускорение темпов роста промышленности в 90-е гг. делало его особенно болезненным для земледелия. В этих условиях помещное дворянство, вообще с трудом приспособившееся к капиталистическим формам хозяйствования, настойчиво требовало от царизма замедлить или даже остановить процесс создания крупной промышленности. Полемика о направлении экономической политики царизма в своих крайних проявлениях вылилась в спор тех, кто понимал необратимость капиталистической эволюции, но надеялся поставить ее на службу интересам самодержавия (С. Ю. Витте), и российских аграриев, защищавших сиюминутные интересы помещного дворянства. Одновременно в этой полемике отражалось и беспокойство правящих кругов и более дальновидной части помещиков в связи с кризисным состоянием основной массы крестьянства, подрывавшим прочность государственного бюджета и основы аграрных отношений.

Став в сентябре 1892 г. министром финансов, С. Ю. Витте в течение некоторого времени оставался сторонником бумажно-денежного обращения и потому считал вполне совместимыми политику ускоренного промышленного развития и предоставление сельскому хозяйству дешевого кредита. Эти взгляды Витте нашли отражение в Уставе Государственного банка 1894 г. Но как только для Витте стала ясна необходимость перехода к золотой валюте и, следовательно, невозможность увеличения бумажной массы в обороте, он безоговорочно сделал выбор в пользу сосредоточения всех финансовых ресурсов для развития промышленности и железнодорожного строительства.

Между тем как раз в эти годы падение хлебных цен сделало для помещного дворянства затруднительной даже уплату процентов по ипотечной задолженности. 1892—1893 годы оказались годами наибольшей неустойчивости дворянского землевладения со времени отмены крепостного права и до русско-японской войны. Такая ситуация определяла не только масштаб требований помещного дворянства о льготах неисправным плательщикам Дворянского банка и о расширении, тоже на льготных основаниях, краткосрочного кредита на оборотные средства, но и перевод полемики в плоскость общей политики. Доказывая, что «разорение дворянского землевладения есть прежде всего политическое несчастье России»⁸, дворянские идеологи обвиняли Витте в искусственном насаждении промышленности и капитализма в России в ущерб ее «исторически-национальному» земледельческому промыслу. При этом рассуждения о сельском хозяйстве вообще были лишь прикрытием стремления сохранить привилегированное положение дворянства в экономическом и политическом строе страны, отражали непонимание закономерности перехода российской экономики на капиталистические рельсы.

В отличие от дворянских идеологов, веривших, что «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй», а потому избежит капитализма, Витте не только выступал за «напряженное развитие промышленности в короткий срок», но и подчеркивал, что к такому развитию Россию вынуждает «мировой непреложный закон»⁹ перехода к капиталистическому строю. При этом Витте настаивал на неизбежности принесения в жертву промышленному прогрессу «потребительских» и «частнохозяйственных» интересов. «И с того момента, как государство отрешилось бы от такого рода пожертвований,— доказывал он,— оно неминуемо стало бы клониться к упадку,—хотя полное удовлетворение интересов наличного поколения, быть может, некоторое время и приукрашивало бы картину»¹⁰.

Параллельно с полемикой Витте и помещного дворянства о неизбежности и правомерности капиталистической эволюции экономики России развертывался спор Министерства финансов и созданного в 1894 г. Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) о формах и масштабах государственного воздействия на сельское хозяйство.

Глава сельскохозяйственного ведомства А. С. Ермолов поддерживал Витте в вопросе о необходимости развития горной и металлургической промышленности и привлечения для этого иностранных капиталов. Остальные же отрасли промышленности Ермолов рассматривал в первую очередь как источник заработка для крестьян и средство повышения доходности помещичьих имений и потому выступал за предпочтение в этих отраслях кустарного и мелкого производства. Исходя из принципиально верного тезиса о невозможности прочного процветания экономики при длительном «искусственном поддержании одной обрабатывающей промышленности», Ермолов считал государство обязанным «играть роль могущественного покровителя» сельского хозяйства¹¹. Прежде всего Ермолов имел в виду организацию государственных мелиоративных работ на казенных и частных землях и создание мелиоративного кредита. При этом средства для мелиоративного кредита должны были быть получены путем гарантированных государством займов.

Позиция Витте по отношению к сельскому хозяйству в своих главных чертах сложилась еще в 1891—1892 гг. Витте прекрасно понимал экономическое значение сельского хозяйства, в том числе для промышленного развития. Но он выступал против прямого государственного вмешательства в отрасль, которая, по его мнению, меньше и медленнее всего поддается «привильственному воздействию». Государство, как считал Витте, могло содействовать сельскому хозяйству не прямыми капиталовложениями в него, а созданием дешевого кредита, строительством железных дорог и, главное, расширением внутреннего рынка через «развитие отечественной фабрично-заводской промышленности»¹².

На позиции Витте сказывалось и его отношение к мировому аграрному кризису. С одной стороны, давая противоречивые ответы на вопрос, существует ли такой кризис вообще, он был склонен отрицать его наличие и считал установившиеся низкие хлебные цены выгодными для народного хозяйства в целом, хотя и наносящими при особенно резком падении ущерб «продавцам зерна». При этом Витте, опираясь на либерально-народнических экономистов, утверждал, будто основная масса крестьянства не производит товарного хлеба. Дело заключалось в данном случае в том, что политика индустриализации велась Витте в расчете на низкие хлебные цены, сокращавшие расходы по созданию промышленности. С другой стороны, аграрный кризис породил широко распространенное и разделявшееся Витте представление о нерентабельности интенсификации зернового производства, поскольку цены на хлеб будут впредь определяться экстенсивно развивающимся земледелием вне Европы. Соответственно Витте противился отпуску средств на предлагаемые МЗиГИ меры такой интенсификации.

Недостаточная разработанность научных проблем, связанных с мелиорацией, отсутствие необходимого числа специалистов и слабость Ермолова как организатора привели к тому, что деятельность МЗиГИ в области государственных мероприятий по улучшению сельского хозяйства не вышла из стадии плохо подготовленных проектов. Вследствие этого Витте мог легко отвергать их или сводить к минимуму выделяемые на них ассигнования. Расширенный в момент наиболее острого падения хлебных цен краткосрочный соло-вексельный кредит для помещиков из Государственного банка был с 1896 г. вновь сокращен, как только оправдались опасения, что задержки с возвращением ссуд превратят такой кредит в долгосрочный, ибо это вступало в противоречие с интересами Государственного банка как эмиссионного учреждения. Малорезультативным оказался и принятый в 1896 г. закон о ссудах на сельскохозяйственные улучшения. Хищническое ведение хозяйства и возможность повышать доходы за счет крестьянской аренды делали ирригационные работы нецелесообразными с точки зрения помещиков, интересы которых учитывались в законе в первую очередь. Круг же других целевых назначений мелиоративных ссуд был сужен в законе из опасения, как бы в общем итоге не произошло дальнейшее увеличение ипотечной задолженности землевладения.

Центральным вопросом подъема сельского хозяйства в целом был вопрос о крестьянском хозяйстве. Остроту его Витте оценил не сразу и первое время считал, что выделение зажиточной верхушки деревни происходит в условиях, когда общий уровень благосостояния крестьян не понижается¹⁴. Кроме того, стоя первоначально на патерналистских позициях, Витте планировал при подготовке нового Устава Крестьянского банка 1895 г. создать институт долгосрочной или бессрочной аренды крестьянами банковских земель. Мысль эта была оставлена, поскольку само право производить покупки земли за свой счет было дано банку Государственным советом всего на пять лет. Все же в 1895 г. под впечатлением голода 1891 г. и падения хлебных цен в 1893—1895 гг. был принят закон об учреждениях мелкого кредита. Закон создал новую форму такого учреждения — кредитное товарищество, получавшее от Государственного банка ссуду на создание основного капитала и не требовавшее от участников паевого взноса¹⁵. Эта форма оказалась в принципе жизнеспособной и в дальнейшем получила широкое развитие. Но в 90-е гг. распространению кредитных товариществ препятствовали сохранение правовых ограничений крестьян и скудость средств, отпускаемых Государственным банком.

В момент принятия закона Витте считал еще возможным извлекать, в частности за счет крестьянских сбережений, дополнительные ресурсы на нужды Государственного банка, о чем свидетельствовал принятый в один день с законом о мелком кредите новый Устав сберегательных касс. С конца 90-х гг. Витте, и его противники заговорили о «чрезмерном напряжении», платежных сил крестьянства. Со стороны противников Витте это было отражением реального

беспокойства по поводу прочности государственного бюджета и социального мира в деревне, а также стремлением уйти от сословно-дворянской мотивировки требований аграриев. Витте по-прежнему отрицал негативное влияние его финансовой политики на положение крестьянства и объяснял падение его благосостояния исключительно «юридическим и экономическим неустройством быта» крестьян, начав борьбу против общины.

В итоге к концу XIX в. в России по-прежнему существовала лишь система учреждений государственного и частного ипотечного кредита. Средства, получаемые из этих учреждений под залог земли, в большей мере отвлекались от сельского хозяйства, чем вкладывались в него. Сельскохозяйственный (краткосрочный и мелиоративный) кредит находился в зародышевом состоянии и не оказывал существенного влияния на земледелие. В то же время, по данным различных, в том числе официальных, обследований на рубеже XIX—XX вв., в среднем крестьянские доходы не покрывали текущих расходов. Имевшиеся же в деревне свободные средства, сосредоточенные в руках деревенских верхов, вплоть до начала XX в. изымались государством из производства через систему сберкасс¹⁶. Начавшийся со второй половины 90-х гг. пересмотр взглядов Витте в крестьянском вопросе не привел еще к реальным шагам в области мелкого кредита.

Однако обвинения против Витте, согласно которым именно его финансовая политика являлась основной причиной упадка крестьянского хозяйства, были предвзятыми. Форсированное развитие промышленности лишь ускорило процесс постепенного падения крестьянских хозяйств, в основе которого лежало сохранение после 1861 г. полукрепостнических пережитков в аграрном строе во всех их проявлениях. Налоговые тяготы, испытываемые крестьянством в связи с покровительством промышленности, накладывались на обременительные выкупные платежи, непосильность которых признавалась задолго до прихода Витте к руководству российскими финансами.

Промышленный кризис начала XX в. привел к усилению полемики вокруг общего направления экономического курса страны. Как справедливо отмечал Б. В. Ананьич, кризис выявил реальные противоречия политики Витте, использовавшего для капиталистического развития России феодальную по своей природе систему государственного управления и своими мерами по государственной поддержке промышленности препятствовавшего в конечном счете естественному развитию капиталистических отношений¹⁷. Тяжелое положение металлургической и металлообрабатывающей промышленности, вызванное мировым кризисом, было усугублено тем, что эта промышленность с самого начала была ориентирована на казенные заказы, связанные с железнодорожным строительством. Когда же бюджетное перенапряжение привело к сокращению таких заказов, тяжелая индустрия не смогла (и не захотела) приспособиться к спросу внутреннего частного рынка, каким бы недостаточным он ни был.

Представители аграрных кругов делали из кризиса вывод об ошибочности всей предшествующей экономической политики и о необходимости преимущественной поддержки сельского хозяйства. Так, государственный контролер П. Л. Лобко в отчете за 1902 г. утверждал, что наступила пора ликвидации «увлечений по насаждению у нас промышленности», ибо ее можно развивать, лишь предварительно подготовив внутренний рынок, основанный на «цветущем земледелии»¹⁸. Тогда же В. И. Гурко писал, что искусственное насаждение промышленности лишь отрывает крестьян от земли и в конечном счете само себя тормозит ограничением платежеспособного спроса населения, в то время как сельскохозяйственное производство может расти «почти беспредельно и притом без всякого соотношения с народными достатками»¹⁹. Эти и подобные заявления отражали все большую озабоченность в верхах бедственным положением крестьянства, весной 1902 г. уже приведшим к открытым антипомещичьим выступлениям. Стремление сохранить незаблемым помещичье землевладение побуждало правящие круги искать выход в частичном снятии остроты земельно-

го вопроса за счет переселения крестьян в восточные районы России и за счет агротехнических мер повышения доходности крестьянского хозяйства в границах существующего землепользования.

В круг задач, связанных с поднятием уровня крестьянского благосостояния, ставилась и поддержка кустарного промысла. Сама по себе необходимая, такая поддержка рассматривалась как создание реальной альтернативы крупной индустрии и капитализму. В изданном в 1902 г. МЗиГИ «Обзоре кустарных промыслов в России» утверждалось, что предпочтительное покровительство кустарям создало бы «естественный и верный путь» для развития и крупной промышленности, не нуждающейся в таможенном протекционизме. Иными словами, России предлагалось повторить процесс роста фабричного производства из ремесла в условиях, когда в соседних странах уже существовали промышленные монополии, жаждущие внешних рынков.

В сложившейся ситуации Витте на открывшемся в феврале 1902 г. Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности было важно обсудить не только крестьянский вопрос (эта сторона Совещания наиболее подробно исследована М. С. Симоновой), но и ряд экономических проблем. По-прежнему считая малоэффективными прямые вложения в сельское хозяйство, Витте, как и раньше, предпочитал воздействовать на последнее через общее экономическое развитие страны (главным рычагом которого оставалось железнодорожное строительство) и через организацию хлебной торговли. Между тем в 1902—1903 гг. уже наметился поворот к сокращению строительства железных дорог на средства казны, а увеличение роли частного капитала требовало существенного пересмотра условий его допуска. Стремясь обеспечить быстрое получение новых заказов для металлургической промышленности и найти выход из экономического кризиса, Витте попытался провести через Совещание программу строительства местных железных дорог. Смысл маневра заключался в том, что местные дороги проходили бы по смете МВД под флагом содействия сельскому хозяйству.

В вопросе о хлебной торговле центральным был спор о том, следует ли, как того требовало дворянство, ставить на первое место интересы «производителей» и для этого усиливать государственное вмешательство в торговлю, или необходимо облегчить развитие в ней частнокапиталистических отношений в качестве условия приспособления к мировому рынку. Министерство финансов, естественно, не провозглашало самоустранения государства из хлеботоргового дела и собиралось оставить за собой возможность вмешательства в случае, когда это будет сочтено необходимым. Но Витте боялся брать на государство ответственность за саму хлебную торговлю. С проблемами хлебной торговли был связан и вопрос о структуре сельскохозяйственного вывоза России. На рубеже XIX—XX вв. под свежим впечатлением мирового аграрного кризиса в помещичьей среде возникла идея резко увеличить экспорт мяса, сократив ради этого вывоз хлеба. Этот план, проповедуемый как выход из кризиса для дворянских имений, предполагал большие государственные затраты на поднятие помещичьего животноводства и на обеспечение вывоза мяса соответствующим оборудованием. За проектом стояла, кроме того, боязнь повышения германских пошлин на зерно по условиям будущего договора 1904 г. и стремление заменить германский хлебный рынок английским мясным. Между тем с 1896 г. в результате роста внутреннего потребления, вызванного развитием промышленности, и вследствие ряда неурожайных лет хлебный экспорт России временно сократился. Не возражая против частной инициативы в животноводстве и мясном экспорте, Витте отказывался от активного государственного содействия такому экспорту и предупреждал, что погоня за проблематичным мясным рынком может привести к тому, что «другие страны займут наше место на зерновом рынке»²⁰. В создавшейся ситуации Витте был теперь сторонником увеличения производства хлеба, если оно не связано с казенными расходами, но

хотел, чтобы Совещание разделило с ним ответственность за возможное падение цен.

Ермолов и его ведомство продолжали на Совещании доказывать необходимость непосредственного государственного финансирования и кредитования сельского хозяйства, предлагая увеличить ассигнования на казенные мелиоративные работы и расширить мелиоративный кредит. Аналогичные требования получили широкое распространение в земской среде. В таких условиях полный отказ от бюджетных ассигнований, на чем раньше настаивал Витте, становился для финансового ведомства неудобным. Но Министерство финансов возражало против предоставления больших средств, подчеркивая, что нужда в мелиоративном кредите серьезно возникает лишь при массовом переходе к интенсивным формам хозяйства, включающим в этот процесс и крестьянские земли, а это невозможно без изменения системы землепользования. Для интенсификации же помещичьих хозяйств Витте предлагал поощрять частную инициативу в форме мелиоративных товариществ. Рассчитывая на ослабление позиций Витте после его ухода из Министерства финансов, представители МЗиГИ, МВД и Государственного контроля полагали, что изыскание средств для мелиоративного кредита должно составить «задачу всей высшей финансовой политики государства», поскольку меры по поддержанию сельского хозяйства «настоятельно требуют осуществления»²¹. Реально при этом имелось в виду переключение на сельскохозяйственные цели части фонда сберегательных касс, использовавшихся Министерством финансов для нужд общегосударственного кредита.

Одним из центральных вопросов экономики сельского хозяйства был вопрос о мелком кредите. Выработывая свои предложения в этой области, Витте учитывал две цели: продемонстрировать непосредственную связь мелкого кредита с правовым и имущественным положением крестьянства и необходимость пересмотра крестьянского законодательства, с одной стороны, и отвергнуть обвинения в том, что его финансовая политика вообще и деятельность сберкасс в частности препятствуют развитию такого кредита — с другой. Витте и его сотрудники настаивали, что не только в России, но и в Западной Европе именно на постоянном приливе средств в сберегательные кассы держится весь государственный кредит, причем в России «сбережения народа и теперь идут на его нужды» в форме строительства железных дорог и других «общепользовных предприятий». При этом Витте постоянно подчеркивал, что и на мелкий кредит его ведомство сумеет выделить достаточные средства, если для такого кредита будет «найдена форма, применимая на практике»²². Речь шла в первую очередь об обеспечении ссуд, поскольку неотчуждаемость наделов и приоритет недоимок по казенным и мирским сборам делали ссудные операции учреждений мелкого кредита негарантированными. Представители Министерства финансов поэтому доказывали, что широкая постановка мелкого кредита «несовместима с настоящим положением имущественных правоотношений в сельском быту»²³.

Поскольку Витте предполагал медленный пересмотр имущественных правоотношений крестьян в процессе добровольного выхода из общины, делавшего возможным залог надела, он предсказывал и медленный рост кредитных учреждений в деревне. Соответственно выделять средства на их поддержку он реально собирался на первом этапе в очень ограниченных размерах. С предупреждениями о необходимости осторожно и постепенно отпускать средства на мелкий кредит и не возлагать на него больших надежд выступал и постоянный оппонент Витте — В. К. Плеве. В целом решения Совещания о мелком кредите, а затем и принятый на их основе закон от 7 июня 1904 г. отражали переходный этап в подходе к крестьянскому законодательству вообще и вследствие этого к крестьянскому кредиту. В них сохранялись дуализм целей кредита — поддержание «крестьян, близких к разорению», и в то же время «экономически лучшего элемента», дуализм форм учреждений кредита — сословные ссудосберегательные кассы и бессословные кредитные товарищества, дуализм их подчинения — соответственно МВД и Министерству финансов.

Столкновением целей МВД и Министерства финансов характеризовалось и обсуждение вопроса о дальнейшей деятельности Крестьянского банка. Операции банка по покупке земли за свой счет, продленные в 1900 г. на 10 лет, все больше втягивали его в переселенческую политику, с той разницей, что банк осуществлял переселение на частные земли и в пределах Европейской России. Это вызвало объективную необходимость согласования деятельности банка и Переселенческого управления МВД. При этом Витте рассчитывал увеличить роль банка в «аграрной политике государства», а Плеве — подчинить его деятельность целям своего ведомства. Плеве считал необходимым прекратить помощь банка при покупке крестьянами помещичьих земель в пределах великорусских и малороссийских губерний и использовать тягу крестьян к земле в целях русификаторской политики в районах польского землевладения и в Закарпатье, а также для освоения слабонаселенных районов Заволжья. Кроме того, Плеве видел задачу Крестьянского банка не в содействии развитию крестьянского хозяйства, неизбежно связанному с выделением зажиточной верхушки, а в предотвращении полного разорения бедноты²⁴. Это практически означало отказ от коммерческих принципов деятельности банка и превращение его в землеустроительно-попечительное учреждение, требующее постоянных казенных дотаций. Одновременно обострился конфликт Витте и Плеве из-за Дворянского банка, в ходе которого Витте категорически отрицал возможность новых льгот его заемщикам и предлагал ориентировать банк на кредитование средних и мелких помещиков.

В этих условиях Плеве предпринял попытку вообще перевести Крестьянский и Дворянский банки в ведение МВД. Министерство финансов, вынужденное соглашаться на большее участие МВД в определении политики Крестьянского банка, отказывалось возложить на банк непосредственные землеустроительные функции, доказывая, что он в таком случае неизбежно утратит твердую почву в финансовых расчетах. Смерть Плеве и начало русско-японской войны, поглощавшей все средства государства, прервали конфликт, но в перспективе более широкое вовлечение Крестьянского банка в общую землеустроительную политику царизма становилось неизбежным.

В ходе и после революции 1905—1907 гг. в характере полемики о направлении развития страны произошли существенные изменения, вызванные переменами в общей расстановке экономических и политических сил в стране. С одной стороны, политика Витте при всей ее односторонности создала определенные предпосылки для дальнейшего саморазвития промышленности за счет притока частных, в том числе иностранных капиталов, причем обеспечение этого притока государством в необходимых размерах было уже невозможно с помощью прежних мер «насаждения промышленности» сверху. В то же время ряд элементов системы Витте, прежде всего золотое денежное обращение и таможенный протекционизм, стал неотъемлемой частью финансового курса страны. С другой стороны, в качестве главной народнохозяйственной задачи выдвинулась ликвидация диспропорции между уровнем и темпами роста промышленности и сельского хозяйства. Эта народнохозяйственная задача по своей направленности совпадала с основной социально-политической целью, которую поставил перед собой царизм с 1906 г., — осуществить земельную реформу и создать многочисленный класс мелких земельных собственников.

Низкая (по сравнению с другими отраслями, а часто и абсолютно) доходность сельского хозяйства и дробность крестьянского землепользования затрудняли самостоятельный приток в земледелие частных капиталов, делая необходимыми государственные гарантии. Кроме того, земельная реформа требовала и прямых расходов казны. Наиболее первоочередной проблемой являлось финансовое обеспечение столыпинской реформы. Поскольку она, хотя и непосредственно, открывала путь к более глубокому проникновению капитализма в деревню, реформа тем самым создавала и отсутствовавшие ранее условия продуктивного использования ссудного капитала в крестьянском

хозяйстве. Задача заключалась в том, чтобы найти источник этого капитала в условиях, когда казначейство само нуждалось в займах на восстановление потрясенного русско-японской войной и революцией финансового хозяйства, а иностранная задолженность казны достигла уже таких размеров, что платежи по займам ложились тяжелым грузом на расчетный баланс России и на ее бюджет.

Это не могло не сказаться на отношении Министерства финансов к широко распространенным требованиям скорейшего развития производительных сил страны, под чем подразумевалось в первую очередь повышение уровня сельского хозяйства. Отказываясь от мер прямого содействия крупной индустрии, практиковавшихся при Витте, и соглашаясь в принципе с необходимостью поднять производительность и доходность сельского хозяйства в интересах упрочения социальной опоры третьей монархии, в фискальных целях и ради расширения внутреннего рынка для промышленности, финансовое ведомство проявляло крайнюю сдержанность в отношении всех проектов устройства сельскохозяйственного кредита, связанных с новыми заимствованиями на денежном рынке. В. Н. Коковцов, с 1904 по 1914 г. с небольшим перерывом занимавший пост министра финансов, постоянно проповедовал необходимость «жить по средствам, подчинять расходы тем доходам, которыми вы располагаете»²⁵.

В этих условиях финансовые и организационные усилия государства в области сельского хозяйства в 1905—1908 гг. были практически полностью сосредоточены на поисках решения аграрного вопроса. Крестьянские волнения 1905—1907 гг. выдвинули на первый план не агротехнические, а социально-политические проблемы сельского хозяйства — необходимость срочно остановить волну выступлений крестьян мерами по частичному устранению их малоземелья. В 1905—1906 гг. основным рычагом решения этой проблемы считался Крестьянский банк. Еще в июне 1906 г. руководитель Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), как с 1905 г. стало называться Министерство земледелия и государственных имуществ в кабинете И. Л. Горемыкина, А. С. Стишинский считал необходимым в течение 5 лет купить у помещиков черноземных губерний 14 млн. дес.²⁶ Указ от 9 ноября 1906 г. выдвинул на первый план перераспределение крестьянского надельного фонда путем наступления на общину и создания класса мелких земельных собственников. Увеличение площади крестьянских земель с помощью Крестьянского банка стало подвергаться сомнению как мера, угрожающая помещичьему землевладению, но практически продолжалось. Стоимость приобретенных у Крестьянского банка и при его посредстве земель составила за 1906—1913 гг. 1199,2 млн. руб., из которых 190,2 млн. было уплачено непосредственно крестьянами, а 928,9 млн. — зачтено в качестве ссуд банка²⁷.

Расходы на землеустроительные работы и переселение за Урал ложились на плечи казны и составили за 1907—1913 гг., по сметам ГУЗиЗ, 134,4 млн. и 162 млн. руб. (вместе с переселенческими ссудами)²⁸. Часть расходов по землеустройству и организации агрономической помощи крестьянам приняло на себя земство — 56,3 млн. руб. за 1909—1913 гг.²⁹ Все эти затраты не касались реального снабжения создаваемых единоличных хозяйств средствами на первоначальное обустройство и налаживание более интенсивных форм хозяйствования. Между тем правящие круги отдавали себе отчет в том, что только «повышение средней производительности и доходности крестьянского хозяйства не менее, чем в два раза», может ослабить крестьянские претензии на помещичьи земли³⁰. Но сметные возможности ГУЗиЗ в деле кредитования крестьян были ограничены. За 1907—1915 гг. из бюджета ведомства крестьянам в губерниях Европейской России было выдано ссуд всего на 32,9 млн. руб. и безвозвратных пособий на 1,3 млн.³¹ Из фонда земельных улучшений ГУЗиЗ с 1897 по 1913 г. крестьянскими обществами было получено 1,7 млн. руб. и какая-то часть из 3,6 млн. руб., выданных земствам как посредникам³².

В поисках выхода указом от 15 ноября 1906 г. был разрешен залог в Кре-

стьянском банке наделов, укрепленных в личную собственность без обязательного сведения их к одному месту. Совет министров первоначально склонен был считать поднадельные ссуды источником широкого финансирования земельной реформы. Но сомнительная залогоспособность чересполосных наделов и узость разрешенных целей использования ссуд воспрепятствовали развитию подна-дельного кредита. За 1907—1915 гг. было выдано ссуд всего на 10,9 млн. руб.³³ Междуведомственное совещание при МВД весной 1908 г., подчеркнув, что отсутствие кредита на обустройство обрекает реформу «на верную неудачу», предложило Министерству финансов расширить сферу применения поднадельных ссуд и выпускать ради них особые свидетельства Крестьянского банка. Совещание надеялось, что бумаги, обеспеченные до сих пор свободными от ипотечного долга землями, будут пользоваться спросом на свободном рынке³⁴.

Когда стало ясно отрицательное отношение финансового ведомства, боявшегося увеличения массы государственных ипотечных бумаг, А. В. Кривошей, возглавивший ГУЗиЗ с 21 мая 1908 г., выступил с планом «вещного» кредита. План предусматривал продажу крестьянам в рассрочку инвентаря при содействии иностранных банков и компаний сельскохозяйственного машиностроения, которым правительство гарантировало бы поступление платежей. План не был осуществлен из-за протестов Коковцова против операции, которая может вызвать непосильные и не поддающиеся предварительному учету расходы казначейства, и из-за возражений Министерства юстиции против предусматривавшегося способа взимания задолженности с крестьян³⁵.

Начавшийся с 1907 г. рост крестьянской кредитной кооперации (особенно кредитных товариществ по Уставу 1895 г.)³⁶ сделал, видимо, для правящих кругов менее актуальным дальнейший поиск организационных форм краткосрочного и мелиоративного кредита для крестьян, поскольку кооперация до известной степени взяла эти функции на себя, обнаружив при этом способность самостоятельно привлекать местные ресурсы. Поэтому с 1909—1910 гг. полемика вокруг крестьянского сельскохозяйственного кредита в бюрократических сферах смещается в сторону проблем степени и форм подчинения кредитной кооперации государственному контролю допустимости ее самостоятельного выхода на общероссийский денежный рынок.

С 1909 г. вновь ставится в повестку дня вопрос о сельскохозяйственном кредите для помещного землевладения. На выдвижении этого вопроса сказываются как экономические, так и политические условия предвоенных лет. Хорошие урожаи и высокие хлебные цены повысили кредитоспособность помещичьих хозяйств и увеличили их спрос на кредит, и раньше удовлетворявшийся Государственным банком в недостаточной степени. Сельскохозяйственный кредит рассматривался и как мера по предотвращению мобилизации помещичьих земель, поскольку ипотечных ссуд для этого оказывалось недостаточно. Одновременно в обстановке усилившейся борьбы буржуазии и помещного дворянства за власть и доходы создание банка, занимающегося под контролем государства и «производителей зерна» экспортной хлебной торговлей все еще рассматривалось в части помещичьих кругов как возможность потеснить хлеботорговцев в своих интересах.

Конкретным воплощением всех этих планов являлись выдвинутые в 1910 г. проекты создания Сельскохозяйственного банка в системе ГУЗиЗ и передачи в его ведение Крестьянского банка. Впервые предложение создать особый Сельскохозяйственный банк для мелиоративного и краткосрочного кредита и комиссионной торговли хлебом (последняя цель была для авторов главной) было выдвинуто ГУЗиЗ еще в 1907 г. Тогда же оно предложило слить Дворянский и Крестьянский банки в Государственный земельный, тоже выдающий не только ипотечные, но и мелиоративные ссуды³⁷. Оба проекта были основаны на идеях известного экономиста П. П. Мигулина (Устав Сельскохозяйственного банка дословно повторял брошюру Мигулина, изданную в 1902 г.), убежденного в «необычайном обилии и дешевизне западноевропейских капиталов», которые,

по его мнению, увидели бы в Сельскохозяйственном банке выгодное для себя помещение³⁸. Тогда даже МВД, очень заинтересованное в привлечении средств в сельское хозяйство, сочло идею ГУЗиЗ невыполнимой при существующем финансовом положении государства.

В 1910 г. Кривошей при поддержке Столыпина вернулся к мысли о Сельскохозяйственном банке. Составленный снова с учетом идей Мигулина проект банка предусматривал его фактический контроль за крестьянской кредитной кооперацией и организацию краткосрочного и мелиоративного кредита для помещиков, а также комиссионную торговлю. Банк предполагался чисто правительственным, поскольку лишь правительству «наиболее доступно распределение между различными отраслями промышленности не только средств государственных, но и сбережений народных, а в случае надобности — также и привлечение капиталов с зарубежных рынков»³⁹. Приведенные рассуждения показывали, что ГУЗиЗ планировало широкое вторжение на денежный рынок. Соответственно первый проект Устава предусматривал неограниченное право эмиссии облигаций, гарантируемых «всем достоянием государства», принудительное вложение в облигации банка средств сберкасс и запасных капиталов различных кредитных учреждений, вкладную операцию с правом выдавать билеты на предъявителя по бессрочным вкладам⁴⁰. Последнее право отсутствовало даже у Государственного банка. Вслед за тем Кривошей внес в Совет Министров проект реорганизации ГУЗиЗ, который представлял ведомству «заведование сельскохозяйственным кредитом». В ходе обсуждения вопроса Столыпин и Кривошей предложили передать ведомству Крестьянский банк, целиком подчинив его деятельность землеустроительным задачам.

Полемика ГУЗиЗ и МВД, с одной стороны, и финансового и торгово-промышленного ведомства — с другой, в связи с проектами создания Сельскохозяйственного банка и реорганизации ГУЗиЗ напрямую выходила на проблемы общего направления экономической политики.

ГУЗиЗ не только требовало, чтобы правительство «энергично выступило на воспособление сельскому хозяйству... не останавливаясь даже перед крупными затратами из средств государственного казначейства»⁴¹, но и подвергло критике всю предшествующую экономическую политику. «Попытка в широких размерах привлечь народный труд к обрабатывающей промышленности не увенчалась успехом,— говорилось в представлении ГУЗиЗ о Сельскохозяйственном банке.— Она показала, что при низком состоянии сельскохозяйственной культуры и бедности земледельческого населения прочное развитие у нас фабрично-заводской промышленности невозможно даже при энергичной поддержке правительства». Необходимо поэтому, считало ГУЗиЗ, поднять производительность и доходность именно сельского хозяйства и этим создать «прочную основу для успешного развития в будущем и фабрично-заводской промышленности»⁴².

В специальном совещании, обсуждавшем проект Сельскохозяйственного банка, Кривошей еще резче отозвался о результатах политики Витте, заявив, что вследствие поощрения промышленности за счет сельского хозяйства «все пошло прахом: деньги потрачены, но не принесли ни малейшей пользы». При этом он подчеркивал, что предлагает теперь «программу правительства вообще, а министерства земледелия в частности на многие годы»⁴³. Кривошей, а также поддерживавшие его Столыпин и государственный контролер П. А. Харитонов исходили при этом из убеждения, что в стране есть достаточные капиталы для привлечения их и к промышленности, и к сельскому хозяйству, а если же приток средств к последнему и впрямь грозит ущербом для других отраслей хозяйства, то «другие потребности должны быть поставлены на второй план» в интересах «разумного и полного использования сил... сельского населения»⁴⁴. В ответ представители министерств финансов и торговли и промышленности не только указывали на опасность расчленения единой системы государственного кредита, угрожающую стабильности денежного обращения, но и ставили «принципиальный вопрос» — «насколько желательно искусственное закрепление за стра-

ной путем усиленного кредитования преобладающей роли того или иного промысла, в особенности земледельческого»⁴⁵.

Неудобства разделения государственного кредита между двумя ведомствами были ясны Кривошеину, и он добивался подчинения себе Сельскохозяйственно-го и Крестьянского банков только из-за сопротивления Коковцова расширению сельскохозяйственного кредита. Это создало основу зыбкого соглашения, достигнутого обоими министрами 28 мая 1911 г. Кривошей соглашался отказаться от создания на данном этапе Сельскохозяйственного банка и не настаивать на переводе Крестьянского банка в ГУЗиЗ. В ответ Коковцов выражал согласие на превращение Крестьянского банка в бессловный Государственный земельный банк, в круг операций которого вводились мелиоративные ссуды помещикам. Все дело краткосрочных и подтоварных ссуд возлагалось на учреждения мелкого кредита, которые должны были быть снабжены дополнительными средствами для распространения их операций не только на крестьян, но и на сред-непоместных землевладельцев. Таким образом, предусматривалась система всесловного ипотечного, мелиоративного и краткосрочного кредита, при которой, однако, сохранялся сословный Дворянский банк, действующий по-прежнему на льготных основаниях. Главной целью сельскохозяйственного кредита все же оставалось осуществление столыпинской реформы, в связи с чем подчеркивалось, что «преимущественным предметом» деятельности Государственного земельного банка будет «устройство единоличных крестьянских хозяйств»⁴⁶.

Разработка конкретных проектов реорганизации сельскохозяйственного кредита была возложена на Министерство финансов и была затянута, поскольку после убийства Столыпина Кривошей не мог прибегать к его помощи в давлении на Коковцова. Лишь на рубеже 1913—1914 гг. в Министерстве финансов было проведено совещание «по вопросу о кредите для сельского хозяйства и вообще производительных классов населения». Совещание решило по-прежнему опираться в деле мелкого кредита на крестьянскую кооперацию, а для обеспечения краткосрочного кредита помещикам содействовать развитию сети землевладельческих обществ взаимного кредита, близкой по принципам организации к кредитной кооперации крестьян. С этой целью намечалось создание из бюджетных отчислений особого фонда. При этом предполагалось, что подобно тому, как крестьянская кооперация, получая первоначальный основной капитал от государства, проявила способность к дальнейшему саморазвитию, аналогичным образом будет развиваться и кредитная кооперация помещиков. Над обеими кооперациями намечалось поставить управление по делам сельскохозяйственного кредита⁴⁷.

Принципиальное отличие этого проекта от Сельскохозяйственного банка заключалось в том, что ГУЗиЗ выступало за централизованную государственную систему сельскохозяйственного кредита, в которую кооперация включалась бы на правах низового звена, а Министерство финансов предполагало образование союзов и банков кредитной кооперации при сохранении за собой контрольных функций. Соответственно Министерство финансов рассчитывало на постепенный самостоятельный выход кредитной кооперации на денежный рынок, а ГУЗиЗ видело главный путь вложения капиталов в сельское хозяйство в гарантированных займах государственных земельных банков.

Проект реорганизации Крестьянского банка в Государственный земельный остался на самой первой стадии разработки, возможно, в результате возражений Кредитной канцелярии. Расширение операций Крестьянского банка в случае реорганизации повлекло бы за собой увеличение эмиссии его свидетельств, а Кредитная канцелярия предупреждала, что и прежде их количество становится все труднее помещать в фонд сберкасс, все больше употребляемый на другие цели⁴⁸.

Между тем с 1911 г. резко увеличивается недовольство общей финансовой политикой правительства. Отставание сельского хозяйства вызывало критику как со стороны поместного дворянства, так и со стороны буржуазии, поскольку отсталость земледелия делала необеспеченным и промышленное развитие.

В предвоенные годы значительно сократилось положительное сальдо торгового баланса и единственный выход бюджетная комиссия Думы видела в «усиленном вывозе... продуктов сельского хозяйства» и, следовательно, увеличении их производства, для чего считала необходимым расширение сельскохозяйственного кредита⁴⁹. В общеполитической сфере неудача столыпинского бонапартизма усиливала стремление крайней реакции противопоставить политическим реформам, якобы не интересующим основную массу населения страны, «консервативно-народные и национально-русские реформы», связанные с подъемом уровня жизни обедневших масс⁵⁰. Важнейшей из этих реформ считалось опять-таки создание системы дешевого народного кредита.

Эти требования вступали во все большее противоречие с политикой накопления свободной наличности, осуществляемой Коковцовым. Учитывая обострение международной обстановки, а затем и явное приближение войны, Министерство финансов использовало значительную часть появившегося с 1909 г. превышения доходов над расходами на образование денежного запаса, достигшего к 1 января 1914 г. 514 млн. руб.⁵¹ При этом, как признавал Коковцов, «удовлетворение многих важнейших нужд государства, не относящихся к военным потребностям, было искусственно сдерживаемо»⁵². Появление и рост свободной наличности вызывали и со стороны аграриев, и со стороны промышленников требования вернуться «на путь хотя бы и несколько искусственного и идущего сверху содействия подъему производительных сил страны»⁵³. Бюджетная комиссия Думы, ранее поддерживавшая призывы Коковцова жить по средствам, стала все настойчивее предлагать правительству выработать план крупных мероприятий, на которые пошли бы накопленные казной суммы. В первую очередь при этом имелось в виду железнодорожное строительство и содействие сельскому хозяйству.

Но для Коковцова была неприемлема идея расходования свободной наличности вообще и явное предпочтение при этом интересов сельского хозяйства. В октябре 1910 г. в ответ на подсчеты бюджетной комиссии Думы, доказывавшей возможность увеличить производительные расходы, Министерство финансов представило свое «Предположительное исчисление государственных доходов и расходов на 1911—1920 гг.», в котором утверждалось, что вследствие возрастающих военных расходов уже с 1912 г. без увеличения налогов не может быть и речи о «дальнейших добавках на культурные потребности страны»⁵⁴. Хотя последующее развитие опровергло заниженные расчеты Министерства финансов, Коковцов продолжал доказывать, что свободную наличность следует держать «на черный день». С конца 1912 г. он стал предупреждать о надвигающемся длительном удорожании капиталов на мировом рынке и о необходимости в связи с этим соблюдать равновесие «между предложением свободных средств... и спросом со стороны ипотечного кредита», поглощающего слишком значительные суммы, на которые претендуют и «другие отрасли народного хозяйства»⁵⁵. Признавая «поступательное движение в сельском хозяйстве» (имелась в виду земельная реформа) «едва ли не самым знаменательным явлением русской жизни последних лет»⁵⁶, Коковцов одновременно подчеркивал, что «от периода земледельческого Россия давным-давно отошла» и было бы односторонним преувеличением «заботиться об одном земледелии»⁵⁷.

30 января 1914 г. Коковцов был смещен Горемыкиным на посту председателя Совета министров и П. Л. Барком в качестве министра финансов. Отставка Коковцова явилась результатом сложных маневров, в которых разногласия в правящих кругах из-за определения пути экономического развития сочетались с противоречиями вокруг дальнейшего политического курса. Поскольку последние не афишировались, на первый план в официальных документах выдвигались экономические соображения. В рескрипте на имя Барка (написанном Кривошеиным) провозглашалась необходимость «коренных преобразований» в «заведовании государственными финансами и экономическими задачами страны». В вину Коковцову ставился недостаток «правильно поставленного и доступного кредита» для «народного труда». Перед Министерством финансов

выдвигалась задача изыскать новые государственные доходы на основе «увеличения производительных сил государства» и «удовлетворения народных нужд»⁵⁸.

Отставка Коковцова привела к значительному усилению позиций Кривошеина, рекомендовавшего Горемыкина и Барка на их посты. Смена премьера нашла свое отражение в принятии Советом министров предложения ГУЗиЗ выделить 150 млн. руб. на осуществление в 1915—1919 гг. мелиоративных работ, главным образом в целях развития хлопководства в Средней Азии и Закавказье (ранее это предложение было отвергнуто Коковцовым) и в утверждении Особого журнала Совета министров об ограничении акционерного землевладения, тоже вызывавшего сопротивление финансово-промышленных ведомств. Этой мерой ГУЗиЗ стремилось предотвратить ускоренный рост земельных цен, который затруднил бы землеустроительную деятельность ведомства⁵⁹.

Основной проблемой экономической политики, получившей название «нового курса», было, однако, изыскание источников для увеличения производительных расходов вообще и для сельскохозяйственного кредита в частности.

Позиция Барка в отношении общего финансового курса была довольно противоречивой. В речи при вступлении в должность он заявил, что охрана равновесия бюджета не должна препятствовать производительным, хотя бы и крупным затратам, поскольку они «историей вернутся в государственную казну»⁶⁰. В бюджетной декларации в Думе Барк уже полностью присоединился к политике Коковцова в вопросе о свободной наличности, повторив, что «к ее расходованию надлежит относиться с большою осмотрительностью». Пообещав создать «особое банковое учреждение, которое придет на помощь сельскохозяйственной России», заняться подъемом сельскохозяйственной культуры и упорядочением хлебной торговли, интенсивным развитием промышленности ради избавления от иностранной зависимости, возобновить широкое казенное и частное железнодорожное строительство, Барк назвал лишь два источника, из которых можно было бы покрыть возникающие расходы, — «некоторое расширение» эмиссионного права Государственного банка и строительство железных дорог не за бюджетный счет, а посредством займов, что высвободило бы бюджетные средства на другие цели. При этом он сразу оговорился, что возможности получения займов не безграничны, а дорожное строительство на бюджетные ассигнования имеет и преимущества, ибо «побуждает к более бережливому отношению к другим расходам»⁶¹.

Барк оговорил также трудности создания Сельскохозяйственного банка и координации его деятельности с Дворянским и Крестьянским банком, заявив, что, «быть может, правильнее будет» ограничиться выделением Управления мелкого кредита из Государственного банка и превращением его в учреждение, ведающее кредитованием сельскохозяйственного труда⁶², т. е. предложил, по сути, вариант, разработанный Министерством финансов в конце 1913 г.

К этому же варианту стало склоняться и ГУЗиЗ. По-прежнему претендуя на распоряжение средствами, выделяемыми на сельскохозяйственный кредит, ГУЗиЗ теперь признавало, что «решающий голос в вопросе: как много в каждое данное время... может оно уделять средств и платежных сил на сельское хозяйство», принадлежит Министерству финансов⁶³. Тем самым ГУЗиЗ признавало, что его претензии на приоритет сельскохозяйственных расходов неосуществимы. К состоявшемуся за несколько дней до начала мировой войны совещанию высших чинов Министерства финансов и ГУЗиЗ «по выяснению основных вопросов об организации сельскохозяйственного кредита» ГУЗиЗ представило, видимо, в целом принятый проект соглашения. Он предусматривал реорганизацию Управления мелкого кредита при Государственном банке в Банк краткосрочного кредита. Банк должен был продолжать снабжать средствами крестьянскую кредитную кооперацию (но лишь в той мере, в какой ее деятельность отвечает его задачам, — это открывало путь для воздействия на кредитные товарищества) и поддерживать через общества взаимного кредита помещичьи хозяйства. Очевидно, ради финансирования обществ взаимного кредита преду-

сматривались (как и Министерством финансов в 1913 г.) бюджетные отчисления банку. Новым моментом было разрешение ему вкладной операции и возможность передачи в будущем всех сельскохозяйственных операций Государственного банка, включая элеваторы. В таком варианте это уже походило бы на Сельскохозяйственный банк, но в ведении Министерства финансов. Предполагалось также, что Дворянский и Крестьянский банки кроме ипотечных ссуд будут выдавать и мелиоративные, причем последний — всем землевладельцам недворянского происхождения. Для объединения деятельности всех трех банков в Министерстве финансов намечалось создать Управление по делам сельскохозяйственного кредита⁶⁴. Судя по выраженному Кривошеиным годом позже желанию свести воедино материалы работ Министерства финансов и ГУЗиЗ в области сельскохозяйственного кредита⁶⁵, достигнутое соглашение носило предварительный характер и нуждалось в конкретизации. Но общие принципы его (создание Банка краткосрочного кредита, выдача ссуд на мелиорации из Дворянского и Крестьянского банков и возложение руководства всем «сельскохозяйственным и народным трудовым кредитом» — в этой формулировке выпал ипотечный — на особый правительственный орган) были названы в объяснительной записке к бюджету на 1915 г., где содержалось также обещание внести соответствующий законопроект в Думу «по окончании военных действий». Выработанное соглашение решало организационную сторону сельскохозяйственного кредита, оставляя открытой проблему его источников. Эту проблему царизм решить не смог.

Возможности прямого финансирования сельского хозяйства за счет бюджета были ограничены. Основная масса бюджетных расходов царизма приходилась во все увеличивающемся объеме на подготовку к мировой войне, содержание административно-карательного аппарата и государственного хозяйственного механизма и на выплату процентов по внешнему долгу. Быстро возраставшая смета ГУЗиЗ не удовлетворяла даже чисто землеустроительных нужд. В бюджетном порядке государство брало из сельского хозяйства в виде налогов больше, чем вкладывало в него. Возможности государства привлечь в сельское хозяйство ссудный капитал были также недостаточны. Систематические превышения 1909 г. реальных доходов над исчисленными по росписи и общий рост вкладов в Государственный и частные банки подтверждали, казалось бы, мнение ГУЗиЗ о возможности найти для сельского хозяйства свободные капиталы. Но анализ фондового рынка показывал обоснованность скептицизма Министерства финансов. Русский и международный денежные рынки были переполнены государственными и гарантированными государством бумагами. Если, по подсчетам И. Ф. Гиндина, в Германии к 1914 г. государственные займы составляли 29,6% всех бумаг, а ипотечные закладные листы — 29% (из них 20,2% — под залог городских недвижимостей), то в России государственные займы поглощали 38,4% всех ценных бумаг, а ипотечные — 37,7% (в том числе 25,5% — под залог земли). В третьиоюнський период ускорившийся процесс мобилизации дворянских земель и использование казенных и удельных для проведения столыпинской реформы еще более увеличили эмиссию ипотечных обязательств, на которые в 1908—1914 гг. приходилось около 40% общего прироста русских ценных бумаг⁶⁷. Ухудшение торгового и расчетного баланса в предвоенные годы и планируемое расширение железнодорожного строительства означали, что Россия стоит перед периодом нового увеличения внешнего и внутреннего государственного долга, что ограничивало возможность обращения к денежному рынку для целей ипотечных и сельскохозяйственных.

И ипотечный, и сельскохозяйственный кредиты основывались на одном и том же источнике — залоге земли. Поэтому, чем больше средств отвлекалось на поддержку дворянского землевладения и на мобилизацию земли, тем меньше их оставалось на собственно сельское хозяйство. Это наглядно демонстрирует сопоставление общего объема ссуд, выданных на ипотечные и мелиоративные цели. Ипотечные ссуды государственных и частных земельных банков на 1 янва-

ря 1915 г. составили 3,54 млрд. руб.⁶⁸ К тому же сроку, как уже отмечалось, землеустроительные ссуды и безвозвратные пособия ГУЗиЗ составляли 34,2 млн. руб. (и примерно столько же в Азиатской России), а поднадельный кредит Крестьянского банка — 10,9 млн. руб. Общий размер ссуд, выданных за 1897—1914 гг. из фонда земельных улучшений ГУЗиЗ, достиг всего 11,5 млн. руб. Даже если иметь в виду, что какая-то часть сумм, полученных по ипотечному кредиту, шла на мелиоративные цели, следует констатировать, что системы мелиоративного кредита как такового в России не существовало и, по справедливому замечанию А. П. Корелина, влияние его на развитие сельского хозяйства не могло быть сколько-нибудь значительным⁶⁹. К тому же за исключением поднадельного кредита все эти средства получались из бюджетных ассигнований. Только в последние предвоенные годы более или менее значительное развитие получили ссуды Государственного банка на покупку сельскохозяйственных машин — 46,6 млн. руб. за 1911—1914 гг.⁷⁰

Несколько лучше обстояло дело с краткосрочным кредитом. Подсчетов, суммирующих, все его источники, не производилось. До 1906 г. главными формами такого кредита были соло-вексельные и подтоварные ссуды Государственного банка. С 1906 г. частные коммерческие банки опередили Государственный банк в субсидировании хлебной торговли. Но основная масса этих средств, в 1911—1912 гг. превышавших 1 млрд руб., шла именно в торговлю, а не в сельское хозяйство. По подсчетам А. П. Корелина, круг клиентов Государственного банка под подтоварному кредиту не превышал 4—5 тыс. помещиков и 10 тыс. крестьян, а общая сумма полученных ими ссуд колебалась в 1903—1909 гг. между 10,6 и 29,2 млн. руб. При этом, способствуя вовлечению части помещиков в сферу торговли, подтоварный кредит не только не использовался целиком в сельскохозяйственном производстве, но, напротив, отвлекал помещичьи капиталы от производительного приложения⁷¹. Специально помещичьим был соло-вексельный кредит, главным образом из Государственного и в меньшей мере из частных коммерческих банков. Общее число заемщиков, пользовавшихся этим кредитом, не превышало в предвоенные годы 5—6 тыс. человек, в том числе в Государственном банке 2—3 тыс. человек, а среднегодовой объем соло-вексельной операции за время ее существования в Государственном банке составил 16,8 млн. руб., а вместе с частными банками — 22,3 млн. При этом 1/3 ссуд использовалась вообще на непроизводительные цели, а из производительно затраченных 30% уходило на долгосрочные вложения⁷². В результате значительная часть полученных средств не возвращалась, а лишь переписывалась в качестве нового долга. Именно поэтому я уже выражал в рецензии на книгу А. П. Корелина сомнения в правомерности суммирования выданных за все годы ссуд.

Единственной формой сельскохозяйственного кредита, получившей значительное развитие, был мелкий кредит. В его развитии сыграли роль и удачно найденная Витте организация — кредитное товарищество, и поддержка Министерством финансов стремления кредитной кооперации к самостоятельному выходу на денежный рынок, и субсидии из Государственного банка, а с 1910 г. также из фонда сберегательных касс (к 1 мая 1913г. ссуды из казны в основные капиталы кредитных товариществ составили 28,15 млн. руб.)⁷³. Но главным образом учреждения мелкого кредита функционировали на местные средства и сумма вкладов в них к 1 января 1915 г. достигла 531 млн. руб.⁷⁴ Не случайно рост кредитной кооперации начинается с 1907 г., когда отмена выкупных платежей и повышение хлебных цен создали предпосылки для появления у более значительного слоя крестьян средств, не расходовавшихся немедленно на потребительские цели, а помещавшихся на хранение для последующего вложения в покупку земли или улучшение хозяйства. Однако этот источник местных ресурсов не был ни безграничен, ни гарантирован, ибо казна стремилась компенсировать отмену выкупных платежей новыми налогами, а урожай и цены были подвержены колебаниям.

Наличие полуфеодальных элементов в политическом и экономическом строе России и вызванный в конечном счете этим обстоятельством затрудненный приток капиталов в сельское хозяйство привели к тому, что в третьеиюньский период диспропорция между промышленным и сельскохозяйственным производством увеличилась. По подсчетам С. Н. Прокоповича, чистый прирост производства (без влияния изменения цен) составил с 1900 по 1913 г. в промышленности 62,7%, а в сельском хозяйстве — 33,8%⁷⁵. В обоих случаях этот прирост почти целиком падает на 1907—1913 гг. При этом рост производства в сельском хозяйстве происходил главным образом за счет экстенсивных факторов — значительного увеличения посевных площадей за Уралом и на юго-востоке Европейской России и серии урожайных лет. Наименьшую роль в некотором подъеме сельского хозяйства сыграла земельная реформа, влияние которой только начинало сказываться, причем на первых порах в результате дезорганизации хозяйства могло быть и отрицательным. Растущее отставание сельского хозяйства вносило элемент неопределенности и в процесс развития промышленности, особенно ее отраслей, ориентированных на внутренний потребительский рынок.

Таким образом, борьба за создание современной крупной индустрии и подтягивание сельского хозяйства до уровня, обеспечивающего в экономике устранение диспропорции обеих этих отраслей, а в политическом отношении — создание массовой социальной опоры власти, как в 90-е гг., так и в начале XX в., отражала реально стоявшие перед страной задачи. Эти задачи, однако, не могли быть разрешены без коренных изменений социально-экономического и политического строя. Половинчатость и непоследовательность мероприятий, намечавшихся правящими кругами для решения выдвигаемых экономическим развитием задач, были следствием общего кризиса существовавшего строя и, в свою очередь, углубляли этот кризис.

Примечания

¹ См.: Исторический архив. 1957. № 4. С. 122—155; Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 157—222.

² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.

³ Гиндин И. Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 223—224.

⁴ С и м о н о в а М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 90.

⁵ Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С. 3.

⁶ В основе статьи лежит доклад, представленный на международный коллоквиум «Рабочий класс и революционные ситуации в России в начале XX века», состоявшийся в Ленинграде в июне 1990 г.

⁷ Замечания министра финансов на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского сословия // Исторический архив. 1957. № 4. С. 154.

⁸ Русский вестник. 1895. № 2. С. 375.

⁹ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 292—295.

¹⁰ Исторический архив. 1957. № 4. С. 152.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 11, д. 102, л. 19. Представление МГИ 31 октября 1893 г.

¹² Там же, ф. 1683, оп. 1, д. 58, л. 7—8. Соображения министра финансов о восполнении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог. Подписаны И. А. Вышнеградским и С. Ю. Витте.

¹³ См. подробнее: Д я к и н В. С. С. Ю. Витте и двухтомник «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987. С. 106—107.

¹⁴ Доклад министра финансов о росписи доходов и расходов на 1897 г. // Правительственный вестник. 1897. 1 января.

¹⁵ См. подробнее: Корелин А. П. Указ. соч. С. 104—109.

¹⁶ Там же. С. 160.

¹⁷ Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 43—45.

¹⁸ Всеподданейший отчет государственного контролера за 1902 г. СПб., 1903. С. 44—45.

¹⁹ Гурко В. И. Устои народного хозяйства России: Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902. С. 82.

- ²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1233, оп. 1, д. 23, л. 237—238. Протокол Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1 января 1903 г.
- ²¹ Там же, д. 94, л. 225, 243—244. Журнал подготовительной комиссии для разработки вопросов организации мелиоративного кредита. 5—19 июня 1904 г.
- ²² Там же, д. 21, л. 290. Протокол Особого совещания... 27 апреля 1902 г.; ф. 1152, оп. 13, 1902, д. 130а, л. 5. Объяснительная записка к отчету сберегательных касс за 1899 г. 21 февраля 1902 г.
- ²³ Там же, ф. 1233, оп. 1, д. 21, л. 126, Протокол Особого совещания... 30 марта 1902 г.
- ²⁴ Кризис самодержавия в России... С. 63.
- ²⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия I. Ч. III. СПб., 1908. Стб. 3588.
- ²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 385, л. 20. Объяснительная записка к проекту ГУЗиЗ об улучшении и расширении крестьянского землевладения. 6 июня 1906 г.
- ²⁷ Подсчитано по: Отчет Крестьянского поземельного банка за 1913 г. Пг., 1914. С. 158—159.
- ²⁸ Подсчитано по росписям доходов и расходов за 1907—1915 гг.
- ²⁹ ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909—1913). СПб., 1914. С. 7.
- ³⁰ Краткий обзор сметы Департамента земледелия с отделами на 1907 г. СПб., 1907. С. 5.
- ³¹ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 года. Пг., 1916. С. 102—103.
- ³² Никольский Б. А. Мелиоративный кредит в России. СПб., 1914. С. 8.
- ³³ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г. Пг., 1916. С. 151—152.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 54. 1908, д. 31, л. 31, 55—56. Журнал Совещания по землеустроительному кредиту. 16 апреля — 10 мая 1908 г.
- ³⁵ Там же, ф. 23, оп. 9, д. 117, л. 19—26. Особый журнал Совета министров 9 января 1909 г.
- ³⁶ См.: Корелин А. П. Указ. соч. С. 134—135.
- ³⁷ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 639, л. 2—8. Объяснительная записка к проекту Сельскохозяйственного банка. Февраль 1907 г.
- ³⁸ М и г у л и н П. П. Русский государственный кредит (1769—1899): Опыт историко-критического разбора. Т. 3. Харьков, 1907. С. 1108.
- ³⁹ ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2116в, л. 129. Представление ГУЗиЗ в Совет министров. Начало 1910 г.
- ⁴⁰ Там же, л. 1—14.
- ⁴¹ Там же, ф. 1276, оп. 6, д. 378, л. 94. Объяснительная записка ГУЗиЗ к проекту Учреждения Министерства земледелия.
- ⁴² Там же, ф. 395, оп. 1, д. 2116в, л. 123.
- ⁴³ Там же, л. 36—37. Стенограммы Совещания по обсуждению проекта устройства Государственного Сельскохозяйственного банка. Заседание 8 мая 1910 г.
- ⁴⁴ Кризис самодержавия в России... С. 425.
- ⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 1929, л. 106. Отзыв представителей Министерства финансов на журнал Особого совещания по проекту Государственного Сельскохозяйственного банка. 11 октября 1910 г.
- ⁴⁶ Там же, ф. 592, оп. 1, д. 221. л. 143—147. Представление Министерства финансов и ГУЗиЗ в Совет министров 28 мая 1911 г.
- ⁴⁷ Там же, ф. 582, оп. 6, д. 457, л. 42, 46—48, 70. Черновик журнала Совещания по вопросу о кредите для сельского хозяйства...
- ⁴⁸ Там же, л. 64—65.
- ⁴⁹ Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. Созыв IV. Сессия II. СПб., 1914. № 50. С. 5.
- ⁵⁰ Д я к и н В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Разложение третьей ионьской системы. Л., 1988. С. 164.
- ⁵¹ Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. Пг., 1914. С. 71.
- Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 30.
- ⁶³ Экономист России. 1911. №1. С. 4.
- ⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 565, оп. 10, д. 39058, л. 26.
- ⁵⁵ Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1913 г. Ч. II. СПб., 1912. С. 164—165.
- ⁵⁶ Там же. С. 3.
- ⁵⁷ Экономист России. 1912. № 19—20. С. 12.
- ⁵⁸ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. С. 178.
- ⁵⁹ Там же. С. 180.
- ⁶⁰ Новый экономист. 1914. № 6. С. 143.
- ⁶¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия II. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 808—821.
- ⁶² Там же. Стб. 818.
- ⁶³ ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 1919а, л. 232—243. Записка В. С. Кошко. Июнь 1914.
- ⁶⁴ Там же, ф. 1571, оп. 1, д. 64, л. 13—18.
- ⁶⁵ Там же, ф. 583, оп. 5, д. 206, л. 258. А. В. Кривошей—П. Л. Барку. 10 августа 1915 г.
- ⁶⁶ Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1915 г. Ч. II. Пг., 1914. С. 105.

- ⁶⁷ Г и н д и н И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 238—239.
- ⁶⁸ Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С. 29, 31.
- ⁶⁹ К о р е л и н А. П. Указ. соч. С. 37, 43.
- ⁷⁰ Государственный банк. Отчет за 1915 г. Пг., 1915. С. 15.
- ⁷¹ Корелин А. П. Указ. соч. С. 68—69, 74—75.
- ⁷² Там же. С. 47, 54—55, 57.
- ⁷³ ЦГИА СССР, ф. 582, оп. 4. д. 13355, л. 15—16. Сведения о положении мелкого кредита в Империи на 1 мая 1913 г.
- ⁷⁴ Корелин А. П. Указ. соч. С. 163.
- ⁷⁵ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг./Под ред. С. Н. Прокоповича. М., 1918. С. 69.

